

УДК 53(092)Вавилов С.И.

ББК 22.3дВавилов С.И.,2

DOI 10.25281/0869-608X-2020-69-3-281-287

А.Ю. САМАРИН

С.И. Вавилов — читатель советской литературы

Реферат. В статье анализируются дневниковые записи выдающегося советского ученого-физика, академика, президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951), посвященные его читательскому восприятию современной ему советской литературы. Широко начитанный С.И. Вавилов собрал личную библиотеку в 37 тыс. томов, постоянно посещал книжные магазины, главным образом, антикварные и букинистические. Несмотря на преобладающий интерес к старинной книге, С.И. Вавилов знал советскую литературу, использовал ее образы в своих научно-популярных работах (С.А. Есенин) и дневниковых характеристиках (И. Ильф и Е. Петров). Немногочисленные дневниковые записи с оценками произведений советских писателей (А.Н. Толстого, А.Е. Корнейчука, К.И. Чуковского, А. Белого, А.К. Виноградова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова и др.) демонстрируют, как правило, критическое к ним отношение. Оно определялось как его классическими эстетическими установками, сформировавшимися еще в юности на материале русской литературы XIX в., так и нелюбимым отношением к советской действительности, которое академик не проявлял публично, позволяя лишь отдельные высказывания в носивших интимный характер дневниках. Негативное, в целом, восприятие советской литературы может быть одним из свидетельств того, что, вопреки утверждениям некоторых исследователей, С.И. Вавилов не был убежденным сталинистом и весьма скептически оценивал социалистическую действительность.

Ключевые слова: С.И. Вавилов, история чтения, история науки, чтение и работа с книгой, советская литература, библиофильство, личная библиотека.

Для цитирования: Самарин А.Ю. С.И. Вавилов — читатель советской литературы // Библиотекословедение. 2020. Т. 69, № 3. С. 281–287. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-3-281-287.

Советский ученый-физик, академик, президент Академии наук (АН) СССР Сергей Иванович Вавилов (1891–1951) был выдающимся читателем. Его личная библиотека превышала 37 тысяч томов [1, с. 305]. При этом она не носила парадного характера. Судя по опубликованным недавно дневникам ученого, он практически ежедневно занимался чтением

Александр Юрьевич Самарин,
Российская государственная библиотека,
заместитель генерального
директора по научно-
издательской деятельности
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия

Институт истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник
Балтийская ул., д. 14,
Москва, 125315, Россия
доктор исторических наук,
доцент
ORCID 0000-0002-2690-7298;
SPIN 4719-4284
E-mail: SamarinAY@rsl.ru

самой разнообразной литературы — научной, философской, художественной, искусствоведческой [2]. Библиофильство было постоянным занятием С.И. Вавилова, он регулярно покупал книги, посещал букинистические магазины [3; 4]. «Ходил по книгам. Единственная страсть, с ней умру», — так характеризует ученый свое увлечение собиранием и чтением книг в дневниковой записи от 6 июня 1943 г. [5, с. 179].

Особое пристрастие Сергей Иванович питал к антикварной книге, много читал на иностранных языках [6]. Один из авторитетнейших ленинградских букинистов Ф.Г. Шилов писал: «С.И. Вавилов, как говорят, нутром любил старинную книгу, чувствуя ее прелесть и сознавая ее пользу. <...> Вавилов всегда был первым защитником и покровителем старой книги, ее хранения и распространения» [7, с. 224].

Советская литература (под которой мы будем понимать в настоящей статье литературные произведения, созданные и опубликованные в СССР писателями самых разных поколений) также входила в круг чтения академика, хотя и не занимала в нем центрального места. Вместе с тем его отношение именно к советской литературе, на наш взгляд, дает возможность составить более точное представление об отношении С.И. Вавилова к социалистической действительности. В последние годы появился целый ряд оценок ученого как «образцового сталинского политика» [8; 9], творца образа «сталинской науки» [10]. Они восходят к остропублицистическому высказыванию А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Академик Сергей Вавилов после расправы над своим великим братом пошел в лакейские президенты Академии наук» [11, с. 590].

Большой знаток поэзии С.И. Вавилов использовал ее образы для объяснения чисто физических явлений. Так, в научно-популярной книге «Глаз и Солнце», впервые опубликованной в 1927 г., а затем выдержавшей множество переизданий, рассматривая развитие представлений о свете и зрении, ученый «обращается к стихам Пушкина, Фета, Тютчева, Есенина». Коллеги-физики пишут об этом приеме: «Однако здесь Вавилов не просто знаток поэзии. При всей любви автора и читателей к стихам эти цитаты в книге, посвященной физике, были бы неуместны, если бы приводились красоты ради. Здесь существенна, конечно, не только их художественная ценность. Существенна способность подлинных поэтов видеть новое и сказать о нем поразительно точно. Поэтому, говоря о том, что

дает человеку зрение, нельзя забывать слов, сказанных поэтами о Солнце и свете» [12, с. 61].

Действительно, утверждая, что «у поэтов уподобление света жидкости — неизбежный оборот» [13, с. 8], С.И. Вавилов цитирует египетские гимны, Ф.И. Тютчева и С.А. Есенина:

И брызжет солнце горстью

Свой дождик на меня.

В данном случае использовано стихотворение С.А. Есенина «О пашни, пашни, пашни ...», написанное в 1917–1918 гг. и опубликованное впервые в 1918 году.

Давно отмечено, что для истории читателя и чтения особое значение имеет изучение источников личного происхождения — «воспоминаний, мемуаров, писем, дневников, читательских заметок на полях книг» [14, с. 17]. На многие вопросы, касающиеся реальных, а не официально декларируемых взглядов С.И. Вавилова, помогают ответить дневники ученого, которые он называл «письмами к самому себе» [15]. Важную роль здесь играют его высказывания о прочитанных книгах.

Если обратиться к этому ценному источнику, можно увидеть, что произведения, ставшие классикой «социалистического реализма» вызывали у С.И. Вавилова резкое отторжение. Его оценки, как правило, очень краткие, но точные и выразительные. Так, 20 июня 1943 г. он записывает: «Читаю бездарные автоматически — заказные “Хождения по мукам”» [5, с. 180]. Но такую реакцию вызывал не только роман А.Н. Толстого. Примерно за год до предыдущей записи он зафиксировал в дневнике: «Фонвизинский “Фронт” Корнейчука в “Правде” с открытиями, что Волга впадает в Каспийское море» (30 августа 1942 г. в Йошкар-Оле) [5, с. 159].

Но и менее идеологизированные советские писатели вызывали у С.И. Вавилова негативные эмоции. 5 июня 1944 г. он отмечает в дневнике: «Книги. Бездарнейшая “Хроника Малевича” А. Виноградова (про Менделеева)» [5, с. 212]. Но если последний роман А.К. Виноградова не был принят ученым, то и творчество В.В. Вересаева не было им высоко оценено. 9 июля 1942 г. в Йошкар-Оле ученый записал: «“Аполлон и Дионис” Вересаева, “Человек из зеркала” Верфеля. Философические прыжки, новые версии “Фауста”, но с таким же отсутствием результата. Вопль, слова, говорящиеся несколько тысяч лет, и ничего нового» [5, с. 155].

Неприятие советской литературы заметно и в отрицательных оценках произведений,

связанных с переделкой или интерпретацией русской классической литературы. Например, в дни пушкинского юбилея в июне 1949 г. С.И. Вавилов среди прочих впечатлений записывает: «Плохая пьеса “Пушкин” Дзеля, хотя все ж через плохую пьесу, плохую игру и плохие декорации смотрит пушкинское чудо» [5, с. 393]. Но если оценка пьесы второстепенного советского драматурга Л.С. Любашевского (псевдоним — Д. Дзель) «Александр Пушкин», написанной в 1948 г., видимо, специально к юбилею, может быть оправдана, то реакция на признанного ныне классика М.А. Булгакова выглядит неожиданной. Тем не менее, 20 июня 1943 г. С.И. Вавилов делится театральными впечатлениями: «Видел бездарную переделку “Мертвых душ” и “Пушкина” Булгакова. Душно» [5, с. 180]. По всей видимости, воспитанный на русской классической литературе академик не принимал никаких современных форм ее репрезентации.

Очевидно, что С.И. Вавилов имел возможности общения с советским литературным истеблишментом. Однако, в дневниках такие контакты практически не отражались. В редких случаях, когда о них все же идет речь, то оценки вновь критические. Так, 22 марта 1946 г. он записывает: «Сессия (Верховного совета СССР. — А. С.). Ерническая фигура Л. Леонова рядом» [5, с. 273].

Как правило, не вызывают положительного отношения и произведения писателей, творивших еще до революции и продолжавших работать в советское время. Так, на отдыхе в Барвихе С.И. Вавилов записал 11 апреля 1940 г.: «Читаю “Петербург” Белого во втором варианте¹. Зачем читаю, не очень понятно. Читал 25 лет тому назад в 1-ом варианте этот мучительный кривляческий бред с гениальными пятнами» [5, с. 92]. Не вызвали у С.И. Вавилова восторга и мемуарные книги А. Белого. 12 ноября 1944 г. он отметил в дневнике: «Очень низко себя оцениваю. И все вместе так грустно, так страшно. Читаю Белого “На рубеже двух

столетий”. Серенькая профессорская Москва моего времени, и я в таком же роде. Совсем не большая Европа» [5, с. 225]. Позднее, уже в 1945 г., С.И. Вавилов критически отзываясь о следующем мемуарном произведении А. Белого «Начало века» (1933). «Читаю вывизг Андрея Белого “Начало века”» [5, с. 241], — записывает он 20 апреля 1945 года. А еще через пять дней: «Читаю А. Белого: “Начало века”. Бессвязные снимки Лейкой, внешние, которым цена грош, у какого какие усы, язык высовывается, плюется. Не человек — Лейка²» [5, с. 241].

Если А. Белый в качестве бытописателя С.И. Вавилова не удовлетворил, то справедливости ради надо отметить, что практически единственная в дневниковых записях С.И. Вавилова позитивная характеристика произведения советской литературы была связана с описанием до-революционного быта.

15 марта 1942 г. появилась запись: «Прочел в Казани “Москва и москвичи” Гиляровского. Совсем, совсем другой мир. Разница как между живым человеком и гипсовой статуей» [5, с. 144].

Интересно, что образы советской литературы возникают периодически у ученого для характеристики окружающих его людей и обстоятельств. Например, 11 июля 1944 г. он записал в дневнике: «В Москву. Не везет с самого начала. В купе, а затем всюду компаньон Обреимов³, которого я переносу с большим трудом. Странная смесь сентиментальности а la Чуковский, с детскими ка[п]ризами, непрерывными разговорами о детях — с явным нахальством под видом якобы непонимания, что это — нахальство» [5, с. 215]. Как видим, упоминание К.И. Чуковского не имеет положительного контекста. Кстати, и ранее в записи от 7 февраля 1943 г. С.И. Вавилов пишет о нем в следующих тонах: «За последнее время случайный подбор книг: “Отцы и дети”, “Люди сороковых годов” Писемского, К. Чуковский “О шестидесятиках”⁴. Получается биологическая страница о

С.И. Вавилов. Узкое. 1947 г. [5]

служебном переключении сознания. Ни логики, ни эстетики, ни благородства, и тем не менее побеждающий поворот. А наши предки любых сословий совсем взбалмошные люди инстинктов, спинного мозга, аффектов и пр. Где же там сознание с логикой» [5, с. 169].

Еще один пример использования образов современной литературы относится к неоднократному упоминанию Остапа Бендера, главного героя романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Общей оценки творчества популярных советских сатириков С.И. Вавилов не дает. Но их главного персонажа использует неоднократно как символ жулика и проходимца. Так, характеризуя общее собрание АН СССР в Свердловске в мае 1942 г., он записывает: «Остапы Бендеры, устроившие все Vergnügungsreise (увеселительные поездки (нем.). — А. С.), Гальперин⁵, Кузнецов⁶ растолстели раза в два по сравнению с нормальным состоянием. Это в то время, когда все прочие отощали и иногда обратились в скелеты. Такое же увеличение объема у приехавших из Москвы преуспевающих в последнее время «методологов» Александрова, Юдина и Митина⁷» [5, с. 148].

Позднее, 26 февраля 1944 г. в дневнике ученого появляется запись: «Электропром с Бертиновым, которого часто по слиянию называю “Леопольдом Аркадьевичем”. Отдает очень сильно Остапом Бендером, несмотря на шустрость, быстрое схватывание» [5, с. 199]. Упоминаемый С.И. Вавиловым А.И. Бертинов (1906–1987) был специалистом в области электротехнических машин, доктором технических наук. В годы Великой Отечественной войны он был заместителем Уполномоченного Государственного комитета обороны по спецтехнике, руководил разработками электротехнических и радиотехнических изделий. «Путает» его Вавилов с Леопольдом Аркадьевичем Ольбертом — «красным руководителем» в ряде научных физических организаций. В 1932–1935 гг. он — директор Государственного оптического института в Ленинграде. С.И. Вавилов работал его заместителем по научной работе. Позднее в 1935–1936 гг. Ольберт служил заместителем директора Института физических проблем (П.Л. Капицы). Таким образом, советские научные администраторы устойчиво ассоциировались у С.И. Вавилова с Остапом Бендером.

Может показаться, что С.И. Вавилов исключительно критически оценивал любые ли-

тературные произведения. Но такое мнение легко опровергается многочисленными восторженными дневниковыми отзывами о представителях «золотого века» русской литературы: А.С. Пушкине, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом и др. Они характерны не только для дореволюционного периода [16], но и для 1940-х годов.

Так, накануне пушкинского юбилея, 22 мая 1949 г. С.И. Вавилов записывает в дневнике: «По утрам перелистывал Пушкина, разыскивая цитаты для юбилея. Какая красота, глубина, гармония сознания. Был ли другой такой поэт?» [5, с. 390]. По свидетельству Е.Г. Киселевой, А.С. Пушкин был особенно близок С.И. Вавилову. «Сергей Иванович собирал все его прижизненные издания и издания последующих лет, литературу о нем», — утверждает она [17, с. 22].

Целый ряд записей лета 1942 г. в Йошкар-Оле говорят о высокой оценке творчества Ф.М. Достоевского. 9 августа 1942 г.: «По дороге и в Казани перечитывал “Преступление и Наказание”. Не читал, может быть, лет 25 и впечатление потрясающее. Это как художество и глубина сна. И совсем современное. Повесть о немногих благодетелях, захвативших право вертеть котлетную машину истории» [5, с. 157]. 14 августа 1942 г.: «Прочел “Преступление и наказание”. Это — кусок души, совсем не похоже на “художественное произведение” — живой, подлинный документ. Дневник проникновеннейшего человека. Дневник о человеке огромного сознания и с потерянным ощущением жизни. В этом и разница Раскольникова с “Наполеонами”. У Раскольникова осталось одно сознание, без жизни, без морали. Эпилог совсем ни к чему, это — декорация и мистификация. П. и Н. — страшная вещь [5, с. 158]. И, наконец, 18 августа: «“Преступление и наказание” не идет из головы. Это и “Фауст” и великолепный детективный роман. Раскольников действительно человек чистого сознания, по этому самому сорвавшийся с осей и сходящий с ума» [5, с. 158].

Всю жизнь С.И. Вавилов восхищался творчеством Л.Н. Толстого. Например, 8 ноября 1944 г. ученый записал в Йошкар-Оле: «Перечел Д.О.Ю. (“Детство”, “Отрочество”, “Юность”. — А. С.) Толстого. Написал он это лет [в] 25. Несмотря на трудность [–] исключительность, гениальность и напряженность сознания, оставшаяся до конца жизни» [5, с. 225].

Можно утверждать, что отношение к советской литературе было у С.И. Вавилова осознан-

ным. Вызвано оно было, видимо, несколькими обстоятельствами. Ученый был воспитан на классических литературных образцах XIX в. и поэтому эстетика самых разных писателей, творивших в советский период, не была ему близка. Судя по всему, не очень любил он и литературу Серебряного века. Достаточно вспомнить приведенные характеристики сочинений А. Белого. Есть и другие свидетельства. Например, 3 апреля 1941 г. академик фиксирует в дневнике: «А в голове странная переписка Блока и Белого. Ведь это были талантливейшие умнейшие люди того времени. Откуда взялся этот мистический язык, на который теперь, через 25—30 лет, все могут смотреть только как на глупость, невежество или мистификацию?» [5, с. 117]. 1 января 1948 г. появляется запись: «Читаю “Огненного ангела” (В.Я. Брюсова. — А. С.) преодоленной (по-видимому, не преодоленной) бездарности» [5, с. 336].

Кроме того, для С.И. Вавилова некоторые тексты советских писателей, видимо, были одним из отражений окружающей реальности. Для понимания отношения к ней уместно вновь обратиться к дневникам ученого, в которых он неоднократно нелицеприятно отзывается о советских газетах. Так, 20 июля 1947 г. он записывает: «Газеты как отвратительная микстура» [5, с. 317]. Спустя месяц в условиях начинавшейся кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом, он фиксирует: «Просмотрел около сотни газет. Пароль “самопрославление”. Не нравится мне это и не так культура завоевывает мир» (21 августа 1947 г.) [5, с. 323]. В период августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. С.И. Вавилов все время отмечает роль в погроме генетики газет: «В газетах извращенная лысенковская свистопляска. Вальпургиева ночь <...> К вечеру опять газеты с лысенки[а]дой» (9 августа 1948 г.) [5, с. 362].

Таким образом, широко начитанный С.И. Вавилов знал советскую литературу, даже использовал ее образы в своих научно-популярных работах (С.А. Есенин) и дневниковых характеристиках (И. Ильф и Е. Петров). Вместе с тем в немногочисленных дневниковых записях, связанных с данной тематикой, он, как правило, проявлял критическое к ней отношение. Оно, по всей вероятности, определялось как его классическими эстетическими установками, сформировавшимися еще в юности на материале «золотого века» отечественной словесности, так и нелицеприятным отношением к советской действительности, которого академик не проявлял открыто, позволяя лишь отдельные высказывания в носивших интимный характер дневниках.

Примечания

- ¹ Вторая редакция романа А. Белого относится к 1922 году.
- ² «Лейка» — марка фотоаппарата.
- ³ Обреимов Иван Васильевич (1894—1981) — физик-экспериментатор. В указанный период член-корреспондент АН СССР (с 1933 г.), позднее — академик (с 1958 г.).
- ⁴ Имеется в виду книга К.И. Чуковского «Люди и книги шестидесятых годов» (1934).
- ⁵ Гальперин Владимир Моисеевич (1904—?) — административный работник АН СССР. В сентябре 1941 — июле 1943 гг. — ученый секретарь Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.
- ⁶ Кузнецов Борис Григорьевич (1903—1984) — историк науки, экономист, доктор экономических наук (1936). В 1941—1942 гг. — член Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.
- ⁷ Речь идет о советских философах. Александров Георгий Федорович (1908—1961) — в 1940—1947 гг. руководитель Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, с 1946 г. — академик АН СССР. Митин Марк Борисович (1901—1987) — академик АН СССР (с 1939 г.). Юдин Павел Федорович (1899—1968) — академик АН СССР (с 1953 г., член-корреспондент — с 1939 г.).

Список источников

1. Лёвшин Л.В. Сергей Иванович Вавилов, 1891—1951. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Москва : Наука, 2003. 422 с.
2. Самарин А.Ю. Дневники С.И. Вавилова как источник по истории читательской деятельности ученого // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. Саратов : Амирит, 2019. С. 143—146.
3. Самарин А.Ю. С.И. Вавилов — библиофил и знаток антикварной книги (на материале «Дневников») // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы IX Международного научного семинара (Москва, 24—25 октября 2018 г.). Минск : Центральная научная библиотека НАН Беларуси ; Москва : ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, 2018. Ч. 2 : Чтения имени Н.М. Сикорского. С. 116—122.
4. Самарин А.Ю. «Стандартный антикварный сон». Академик С.И. Вавилов как библиофил и коллекционер // Про книги. 2019. № 1. С. 56—69.
5. Вавилов С.И. Дневники, 1909—1951 : в 2 кн. Москва : Наука, 2012. Кн. 2 : 1920, 1935—1951. 605 с.

6. *Петрицкий В.А.* Академик С.И. Вавилов и книга // Невский библиофил. Санкт-Петербург, 2012. Вып. 17. С. 39–49.
7. *Шилов Ф.Г.* Записки старого книжника. *Мартынов П.Н.* Полвека в мире книг. Москва : Книга, 1990. 560 с.
8. *Kojevnikov A.* President of Stalin's Academy: The Mask and Responsibility of Sergei Vavilov // *Isis*. 1996. Vol. 87. № 1. P. 18–50.
9. *Кожевников А.Б.* Президент сталинской академии (маска и ответственность Сергея Вавилова) // Исследования по истории физики и механики. 2001. Москва : Наука, 2002. С. 11–61.
10. *Иванов К.В.* Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 2. С. 99–113.
11. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования : [в 3 т.]. Москва : ПРОЗАиК, 2011. Т. 2. Ч. 3–4. 640 с.
12. *Лёвшин В.Л., Теренин А.Н., Франк И.М.* Развитие работ С.И. Вавилова в области физики // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания / под ред. И.М. Франка. Москва : Наука, 1979. С. 47–62.
13. *Вавилов С.И.* Глаз и Солнце. О «теплом» и «холодном» свете. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.
14. *Баренбаум И.Е.* История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История русского читателя. Ленинград, 1973. Вып. 1. С. 5–19. (Труды ЛГИК. Т. 25)
15. *Кривоносов Ю.И.* «Письма к самому себе». Неизвестный Сергей Иванович Вавилов // Человек. 2004. № 6. С. 133–149.
16. *Вавилов С.И.* Дневники, 1909–1951. Москва : Наука, 2016. Кн. 1: 1909–1916. 655 с.
17. *Киселева Е.Г.* Московские друзья книги. Москва : Книга, 1978. 144 с.

S.I. Vavilov — Reader of Soviet Literature

Alexander Y. Samarin,

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia;

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 14 Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russia

ORCID 0000-0002-2690-7298; SPIN 4719-4284

E-mail: SamarinAY@rsl.ru

Abstract. The article analyzes the diary records of the outstanding Soviet physicist, Academician and President of the USSR Academy of Sciences Sergei Ivanovich Vavilov (1891–1951), dedicated to his reader's perception of contemporary Soviet literature. Widely-read S.I. Vavilov collected his private library of 37 thousand volumes; he regularly visited bookstores, mainly antiquarian and second-hand bookshops. Despite the prevailing interest to the old books, S.I. Vavilov knew Soviet literature, used its images in his popular science works (S.A. Yesenin) and diary characteristics (I. Ilf and E. Petrov). The few diary entries with the assessments of the works of Soviet writers (A.N. Tolstoy, A.E. Korneychuk, K.I. Chukovsky, A. Bely, A.K. Vinogradov, V.V. Veresaev, M.A. Bulgakov, etc.) most commonly demonstrate critical attitude to them. It was defined by both his classical aesthetic preferences, formed in his youth on the material of Russian literature of the 19th century, and by his unflattering attitude to the Soviet reality, which Academician did not show publicly, allowing just certain statements in his private diaries. The generally negative perception of Soviet literature indicates that, contrary to the claims of some researchers, S.I. Vavilov was not a Stalinist and was quite sceptical of the socialist reality.

Key words: S.I. Vavilov, history of reading, history of science, reading and working with a book, Soviet literature, bibliophilism, private library.

Citation: Samarin A.Y. S.I. Vavilov — Reader of Soviet Literature, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2020, vol. 69, no. 3, pp. 281–287. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-3-281-287.

References

1. Lyovshin L.V. *Sergey Ivanovich Vavilov, 1891–1951*. Moscow, Nauka Publ., 2003, 422 p. (in Russ.).
2. Samarin A.Yu. S.I. Vavilov's Diaries as a Source on the History of the Scientist's Reading Activity, *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya, 2019* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Yearlong Scientific Conference, 2019]. Saratov, Amirit Publ., 2019, pp. 143–146 (in Russ.).
3. Samarin A.Yu. S.I. Vavilov — a Bibliophile and an Expert on Antique Books (Based on the “Diaries”), *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy IX Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Moskva, 24–25 oktyabrya 2018 g.)* [Proceedings of the 9th International Scientific Seminar “Modern Problems of Book Culture: Main Tendencies and Prospects” (Moscow, October 24–25, 2018)]. Minsk, Tsentral'naya Nauchnaya Biblioteka NAN Belarusi Publ., Moscow, FGBU Nauki NITs “Nauka” RAN Publ., 2018, part 2: Chteniya imeni N.M. Sikorskogo [N.M. Sikorsky Readings], pp. 116–122 (in Russ.).
4. Samarin A.Yu. “A Standard Antique Dream”. Academician S.I. Vavilov as a Bibliophile and Collector, *Pro knigi* [About Books], 2019, no. 1, pp. 56–69 (in Russ.).
5. Vavilov S.I. *Dnevnik, 1909–1951: v 2 kn.* [Diaries, 1909–1951: in 2 books]. Moscow, Nauka Publ., 2012, book 2: 1920, 1935–1951, 605 p.
6. Petritsky V.A. Academician S.I. Vavilov and Books, *Nevskii bibliofil* [Neva Bibliophile]. St. Petersburg, 2012, issue 17, pp. 39–49 (in Russ.).
7. Shilov F.G. *Zapiski starogo knizhnika. Martynov P.N. Polveka v mire knig* [Notes of an Old Antique Book Dealer. Martynov P.N. Half a Century in the World of Books]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 560 p.
8. Kojevnikov A. President of Stalin's Academy: The Mask and Responsibility of Sergei Vavilov, *Isis*, 1996, vol. 87, no. 1, pp. 18–50.
9. Kojevnikov A.B. President of Stalin's Academy: The Mask and Responsibility of Sergei Vavilov, *Issledovaniya po istorii fiziki i mekhaniki. 2001* [Research on the History of Physics and Mechanics. 2001]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 11–61 (in Russ.).
10. Ivanov K.V. Science after Stalin: Forging a New Image of Soviet Science, *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2001, vol. 71, no. 2, pp. 99–113 (in Russ.).
11. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt khudozhestvennogo issledovaniya* [The Gulag Archipelago. 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation]. Moscow, PROZAiK Publ., 2011, vol. 2, part 3–4, 640 p.
12. Lyovshin V.L., Terenin A.N., Frank I.M. The Development of S.I. Vavilov's Work in Physics, *Sergey Ivanovich Vavilov. Ocherki i vospominaniya* [Sergey Ivanovich Vavilov. Essays and Memoirs]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 47–62 (in Russ.).
13. Vavilov S.I. *Glaz i Solntse. O “teplom” i “kholodnom” svete* [The Eye and the Sun. About “Warm” and “Cold” Light]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, 160 p.
14. Barenbaum I.E. The History of Reader as an Issue of Sociology and Book Studies, *Istoriya russkogo chitatel'ya* [The History of Russian Reader]. Leningrad, 1973, issue 1, pp. 5–19 (in Russ.).
15. Krivonosov Yu.I. “Letters to Myself”. The Unknown Sergey Ivanovich Vavilov, *Chelovek* [Human], 2004, no. 6, pp. 133–149 (in Russ.).
16. Vavilov S.I. *Dnevnik, 1909–1951* [Diaries, 1909–1951]. Moscow, Nauka Publ., 2016, book 1: 1909–1916, 655 p.
17. Kiselyova E.G. *Moskovskie druž'ya knigi* [Moscow Friends of Book]. Moscow, Kniga Publ., 1978, 144 p.